

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Автор по собственным воспоминаниям и документальным источникам воспроизводит историю восприятия повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» участниками саратовского университетского кружка первой половины 1960-х гг. под руководством замечательного филолога, доцента кафедры русской литературы СГУ Т. И. Усакиной.

Ключевые слова: столетие гуманитарного образования в СГУ, Т. И. Усакина, кружок новинок журнальной литературы, «Новый мир» А. Т. Твардовского, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына.

A. I. Solzhenitsyn at Saratov University: the 1960s

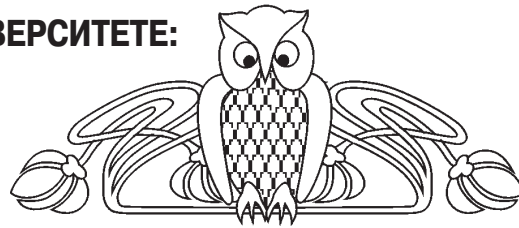
V. V. Prozorov

Based on his own recollections and on documented sources the author reconstructs the history of how A. I. Solzhenitsyn's short novel «One Day In the Life of Ivan Denisovich» was perceived by the members of Saratov University literary club of the first half of the 1960s, under the supervision of a wonderful philologist T. I. Usakina, Assistant Professor of the Chair of the Russian literature of Saratov State University.

Key words: a centenary of humanities education at Saratov State University, T. I. Usakina, club of the journal literature latest publications, A. T. Tvardovsky's *Noviy Mir* (New World), «One Day in the Life of Ivan Denisovich» by A. I. Solzhenitsyn.

Скоро, летом 2017 г., саратовские филологи и историки отметят столетие гуманитарного образования в нашем университете, и сегодняшняя задача – бережно восстановить по памяти, по сохранившимся документальным материалам и публикациям существенные страницы, абзацы и строки прошедших десятилетий. Об одной из таких строк и пойдёт речь.

Шестидесятые годы XX века – время многосложных превращений в нашей университетской гуманитарной жизни. Безвременный уход на пенсию основоположника саратовской филологической школы А. П. Скафтымова. Грустный для саратовских филологов, но неизбежный отъезд в Москву после десятилетней работы в Саратовском университете бывшего узника ГУЛАГа Ю. Г. Оксмана. Расцвет творческой работы Е. И. Покусаева, первого поколения его учеников и соратников, среди которых – О. И. Ильин, В. П. Барцевич, А. А. Жук, Е. П. Никитина, Г. В. Макаровская, Г. Н. Антонова... Стойкое и пристрастное увлечение вечно неблагонадёжным Салтыковым-Щедриним. Учреждение кафедры советской литературы, в задачи которой входило

соблюдение властью предустановленных правил и норм идеологической выдержанности. Встречи в неизменно переполненной знаменитой девятой аудитории четвертого корпуса на Радищевской улице с К. А. Фединым, С. А. Макашиным, И. М. Машбиц-Веровым, Ю. М. Лотманом, В. Я. Кирпотиним, А. С. Бушминым... Брожение студенческих умов. Самодеятельный университетский театр: талантливые постановки филологом Марком Зильберманом «Клопа» Владимира Маяковского, «Дракона» Евгения Шварца, «Белой болезни» Карела Чапека... Многочисленные филологические кружки...

Среди них – один, от всех отличный: кружок новинок журнальной литературы. Кружок этот в первой половине 1960-х гг. по собственной инициативе (освященной авторитетом заведующего кафедрой русской литературы Е. И. Покусаева) в студенческом общежитии на Вольской, 18/2 вела Татьяна Ивановна Усакина.

Недавний свой отмеченный высоким и щемяще личным лирическим пафосом очерк о Татьяне Ивановне Б. Ф. Егоров озаглавил цитатой-строкой из хрестоматийного некрасовского стихотворения о Белинском «Упорствуя, волнуясь и спеша...»¹. Очень точный заголовок! Поэтический контекст у нас на памяти:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шёл к одной высокой цели;
Кипел, горел и быстро ты угас!..

Ей суждено было прожить 35 лет. Т. И. Усакина (1931–1966) – талантливая ученица Скафтымова и Оксмана, кипуче деятельная, вдохновенная и ироничная, предельно требовательная к себе и к своим ученикам, прочно снискавшая искреннюю симпатию и любовь студенческой аудитории. Она основательно, искусно и тонко исследовала философские искания В. Г. Белинского, А. И. Герцена, молодого М. Е. Салтыкова, В. Н. Майкова, писателей-петрашевцев, других русских литераторов 1840-х гг.² Т. И. Усакина «природно была создана для интенсивного впитывания российской и мировой культуры, для творческой переработки знаний и чувств и для щедрой отдачи приобретённого людям, в первую очередь отдачи ученикам, студентам. И её живая

натура светилась и лучилась, невольно притягивая к себе окружающих», – пишет Б. Ф. Егоров³. «С тем же зарядом учительского энтузиазма и выработанных опытом классики строгих эстетических критериев обращалась Т. И. Усакина и к литературе советской. В сущности, она жила настоящим, в её гражданском самочувствии как-то сами собою сливались прошлое и современность, история и кипящая злободневность. Руководимые Т. И. Усакиной кружковцы, участники жарких литературных дискуссий в студенческом общежитии, умели по-настоящему оценить талантливое произведение советского искусства и порадоваться успеху его создателя», – вспоминал в предисловии к посмертно изданной книге трудов Татьяны Ивановны Е. И. Покусаев⁴.

Как и многие университетские учёные-педагоги тех лет, она жила в перенаселённом студенческом общежитии⁵. Шестнадцатиметровая комната в шумной четырёхэтажной коммуналке с нехитрыми и часто выходящими из строя «удобствами» в конце коридора, с общей кухней на две-три плиты, с непременно «красным уголком», в котором студенты и аспиранты занимались, проводили собрания, встречи, по выходным устраивали вечера отдыха... В этой комнате и собирались регулярно усакинские кружковцы: студенты разных курсов, аспиранты, филологи и историки. Всякий раз нас было человек 20–25. Обходились без особых настенных объявлений, усердных зазываний и специальных приглашений. Узнавали о кружке быстро, друг по другу. Всё решал авторитет Татьяны Ивановны, помноженный на наш острый интерес к общественно-литературно-журнальным спорам 1960-х гг.

Объединяли раздумья, связанные с недавней и вовсе не остывшей ещё нашей историей (с так называемым периодом «культы личности») и с той обнадеживающе необычной, тревожной и быстротекущей современностью («оттепелью»), в которой мы оказались. Объединяли симпатии ко многим честным публикациям в журнале «Новый мир» А. Т. Твардовского и неприязнь к постоянным, численно явно превосходящим, трескуче-пустословным, официозно-доносительским выступлениям оппонентов этого журнала.

Загодя знакомились мы с очередными журнальными книжками, сосредоточивали внимание на заранее определенных Татьяной Ивановной текстах, и на наших сходах по вечерам (раза два в месяц) – свободная дискуссия, откровенный разговор по душам, общежитская бытовая непосредственность и почти домашность...

На кружке охотно говорили не только о литературе. Понимали, что подчас в своих рассуждениях переходим черту дозволенности, что среди нас могут быть штатные и добровольные осведомители. Интересно, что ничего необычного в этом не усматривали. Это как бы в порядке вещей было. Только задору прибавляло и того состояния души, которое Солженицын много поз-

же (применительно как раз к той эпохе) назовёт «общественным сердцебиением».

Секрет обаяния Татьяны Ивановны заключался в том, что, страстно задавая тон разноголосым обсуждениям, она умела слушать каждого внимательно и **поощрительно**. Мы чувствовали, что ей искренне интересны наши пусть и не очень ловко, но, как нам казалось, безошибочно честно сформулированные мысли и оценки. Сама она никогда не уклонялась от острых социальных тем (иногда даже в ущерб художественной состоятельности обсуждаемых произведений, как, например, в случае с некоторыми громкозвучно гражданскими и поэтически слабыми стихотворениями Евгения Евтушенко: «Баллада о браконьерстве» и др.). Спорила темпераментно, отстаивая заветное. Повесть Сергея Зальгина «На Иртыше», проза Павла Нилина, Георгия Вадимова, Фёдора Абрамова, критические статьи Владимира Лакшина, Игоря Виноградова, Юрия Буртина...

По не зависевшим от редакции цензурным обстоятельствам (об этом все догадывались, и это придавало журналу Твардовского особое обаяние преследуемой и стойкой оппозиционности) номера «Нового мира» хронически запаздывали к читателям. Ноябрьский том за 1962-й пришёл в Саратов в середине января 1963-го. Привычная суэта экзаменационной сессии. Очень хорошо помню, как Т. И. Усакина при встречах с нами в коридорах учебного корпуса и общежития убеждённо наказывала: «Неприменно прочитайте “Один день Ивана Денисовича”! Эту вещь нельзя откладывать на потом!»

Нашу встречу она предложила провести в самом начале второго семестра, в феврале.

Народу собралось непривычно много. И сразу же, помню, после очень короткого взволнованного вступительного слова Т. И. Усакиной у нас возникло отчётливое ощущение неловкости: не нам, благополучным и сытым, о той страшной жизни рассуждать. Очень трудно было высказываться вслух. Сражённые прочитанным, все говорили тише обычного, едва ли не вполголоса, делились впечатлениями всё больше не литературными. Каждый вспоминал своё. Я тоже.

Помню, как в нашу домашнюю коммуналку во второй половине 1950-х вернулся сосед, Сергей Фёдорович Степанов. «Враг народа». Реабилитированный. После долгих лет лагерей и ссылки. Предельно молчаливый и угрюмый. Казалось, в нём тихо умирает тяжкая тайна. Помню, как пережил я скупой рассказ своего дяди с материнской стороны, сильно большого человека, подполковника в отставке, Михаила Алексеевича Емельянова, о диковинных, душу раздирающих пытках в ежовских застенках, об изощрённом выколачивании «признаний»... Впечатления кошмарные...

А тут, у Солженицына, – вся жизнь в одном дне, жизнь обыкновенная – режимная: голая степь, колючая проволока, тридцатиградусный мороз, «восьмиведёрные параша», цынга, большие ры-

бы глаза, плавающие в баланде, шмон, конвой, вертухаи, придурки, стукачи... Карцер! «Десять суток ... карцера, если отсидеть их строго и до конца, – значит на всю жизнь здоровья лишиться». Страшная, необозримая планета ГУЛАГ. «Но люди и здесь живут».

Кто-то из кружковцев тихо заметил: «К чему только человек ни привыкает и уже не замечает дикости окружающей нас жизни». Мысль эту Татьяна Ивановна горячо подхватит. Трагический парадокс: каторжный лагерь, а «свободы здесь – от пуза»: сколько хочешь – ори про «бабку усатого», «стукачи того не доносят, оперы рукой махнули». Но главное – это то, что повесть, скажет она, – о человеческом достоинстве и даже, если хотите, о деликатности и такте, которые способны сохраниться в людях в бесчеловечных условиях. Всё, к чему мы так привыкли в общении с художественными текстами, – настаивала Т. И. Усакина, – всё это – литература. А повесть Солженицына – больше, чем литература. Это настоящее откровение о человеческих силах и возможностях. Главное: что бы ни случилось в жизни – не затоптать бы в нас людей!

С этого негромкого разговора в красном уголке общежития молча расходились кто по комнатам, кто (со стороны пришедшие) по своим домам. Вроде б собрались, как обычно, пообщаться в собственное удовольствие, а тут... совершенно новые ощущения, новая правда про искорёженную жизнь, да к тому ж привычную, укоренившуюся и... почти, страшно сказать, счастливую. Про **нашу** жизнь? Страшно. Дико. Зябко...

Вскоре после этого в журнале «Новый мир» (1963, № 1) напечатаны были рассказы Солженицына «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка», которые тоже стали предметом подробного и откровенного обсуждения на кружке.

Потом, в самом конце 1963 г., было выдвижение повести на высшую премию страны – Ленинскую. «Ещё через два года, – позже иронически отметил Солженицын, – всем станет ясно, что это – грубая политическая ошибка, оскорбление ленинского имени и самого института премии»⁶. А тут ещё началось обсуждение, «всенародное». Стремительно клонилась к закату странная хрущёвская пора. Над «Иваном Денисовичем» собирались мрачные тучи... В центральных и местных газетах появлялись редкие письма, авторы которых поддерживали и защищали Солженицына. И в противовес им охотно и обильно печатались истошно негодующие (повсеместно организовывавшиеся), клеветнические отклики-окрики.

Т. И. Усакина предложила кружковцам подписать письмо **в поддержку** Солженицына. Мы все по этому случаю собрались. Чувствовали себя призванными к серьёзному шагу. Татьяна Ивановна прочитала то, что написала сама. Предупредила: каждый, подписывая обращение в комитет по Ленинским премиям и в редакцию «Нового мира», поступает исключительно добровольно...

Обменялись впечатлениями. Двое колебались. В итоге один решительно отказался без объяснения причин...

В моей статье, написанной для университетской многотиражной газеты «Ленинский путь» в поддержку Солженицына, приведены короткие отрывки из выступлений однокружковцев:

Викт. Березнёв: «Один день» прочитали все, кто хоть немного пристрастился к чтению. Подавляющее большинство читателей приняло повесть.

Натан Тамарченко: основная проблема «Одного дня» – народная мораль. Мысль, утверждаемая Солженицыным, решительно противостоит философии культа личности, согласно которой идеал в целом достигнут и могут быть лишь частные с ним несоответствия.

Т. И. Усакина: сила повести Солженицына в том, что суровый трагизм, изображённый в ней, не заслоняет большой философской правды о народных основах социалистического строя, мировоззрения и морали⁷.

В самом письме Т. И. Усакиной (как и во многих публикациях в поддержку Солженицына, например, в известных новомирских статьях В. Я. Лакшина и др.) было немало «идеологем», обязательных для официальных публичных обращений по такому поводу. Непременно говорилось и про «великие исторические сдвиги, которые произошли в сознании общества после XX и XXII съездов Коммунистической партии», и про «беспощадную ленинскую правдивость», и про «диалектическое, марксистское понимание» жизни, и про литературу как «нравственное обеспечение коммунизма» и т. п.

Впрочем, эти и другие оценки носили не только и даже не столько вынужденный, камуфлирующий характер. Была в них своя правда – смущавшая душу, тревожная правда ищущей и самой себя страшящейся мысли. Т. И. Усакина писала: «Повесть заставляет думать об ответственности перед народом, открывает новые горизонты в наших представлениях о гуманизме, демократизме, соотношении этического и эстетического, обращает к раздумьям о чистоте нравственного чувства и совести». Это были тогда для неё и для нас не пустые слова...

Под обращением подписались 23 человека, включая, разумеется, и Татьяну Ивановну. Среди подписавшихся Владимир Мизгин, Натан Тамарченко, Фрид Рашитов, Нина Пушкаря, Лариса Крымская, Ася Айзенберг, Алевтина Кукушкина (Березнёва), Нина Егорова (Аркадакская), Николай Голяков, Светлана Ермолаева, Лев Ленчик, Валентина Ракита, Владимир Глебов, Галина Яхина, Александр Россомахин, Виктор Дубовицкий, Виктор Березнёв... Будущие известные школьные учителя, вузовские педагоги, литераторы, журналисты, музейные, библиотечные работники. Каждый из нас понимал, что совершает не бог весть какой, но поступок...

И самое последнее: у меня на руках остался порядком потрёпанный экземпляр «Нового мира» с «Одним днём Ивана Денисовича», снабжённый университетским штампом: «Библиотека кафедры литературы». История его появления у меня такова. В 1974 г. все публикации произведений Солженицына по распоряжению «сверху» стали, как водилось тогда, усердно изымать из «открытого» доступа в библиотеках и уничтожать. В один из дней, предшествовавших строгой процедуре изъятий, старший лаборант кафедры русской литературы, почтенная и язвительно-невозмутимая Евдокия Матвеевна Гончарова (вдова ректора СГУ Даниила Ивановича Лучинина, ушедшего в июле 1941 г. на войну и там вскоре погибшего) как-то очень осторожно, с заговорщицким видом подозвала меня на факультете и вполголоса сообщила, что новомирские журналы с Солженицынскими публикациями скоро будут «удалены» (я хорошо запомнил это её деликатно-саркастическое слово) из кафедрально-кабинетных собраний, а этот «зачитанный, замусоленный, вконец истрёпанный» (его и удалять-то, мол, неудобно) экземпляр пусть хранится у вас, его усакинские кружковцы из рук в руки передавали в своё время. Вы ведь это хорошо помните...

С той поры памятный и вконец отработавший своё том «Нового мира» хранится у нас дома.

Примечания

- ¹ Егоров Б. «Упорствуя, волнуясь и спеша...» Очерк о Т. И. Усакиной // Егоров Б. Воспоминания-2. СПб., 2013. С. 241–256.
- ² См.: Манн Ю. [Рец.] // Новый мир. 1966. № 6. С. 280–281 ; Галаган Г. Исследование о петрашев-

цах // Вопр. литературы. 1966. № 12. С. 208–211 ; Егоров Б. История – философия – литература // Вопр. литературы. 1969. № 8. С. 228–230 ; Душина Л. Татьяна Ивановна Усакина // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги Саратовской филологической школы / под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, 1984. С. 268–286 ; Демченко А. Усакина Татьяна Ивановна // Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009 : материалы к биографическому словарю / сост. В. В. Прозоров, А. А. Гапоненков ; под ред. В. В. Прозорова. Саратов, 2010. С. 244–246.

- ³ Егоров Б. «Упорствуя, волнуясь и спеша...»... С. 250.
- ⁴ Покусаев Е. О Татьяне Усакиной // Усакина Т. История, философия, литература (Середина XIX века). Саратов, 1968. С. 8.
- ⁵ Сегодня Т. И. Усакиной и другим замечательным саратовским университетским преподавателям – филологам и историкам, чья судьба многие годы была непосредственно связана с этим домом, посвящена памятная доска, в честь 100-летия СГУ по инициативе профессора Е. Г. Елиной установленная у входа в то самое (сегодня заметно перестроенное и обновлённое) общежитие № 2 по Вольской улице.
- ⁶ Цитирую по экземпляру книги: Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. Paris, 1975. С. 81. На титульном листе книги – автограф, оставленный А. И. Солженицыным в его знаменательный приезд в Саратов в сентябре 1995 г.: «Учебной библиотеке филологического факультета Саратовского университета. А. Солженицын. 13.9.95».
- ⁷ Прозоров В. Талантливая повесть. На соискание Ленинской премии // Ленинский путь. Саратов, 1964. № 12. С. 4. О работе кружка Т. И. Усакиной см. также : Прозоров В. Юбилей «Нового мира» // Ленинский путь. Саратов. 1965. № 9. С. 4.

УДК 821.161.1.09-3+929Солженицын

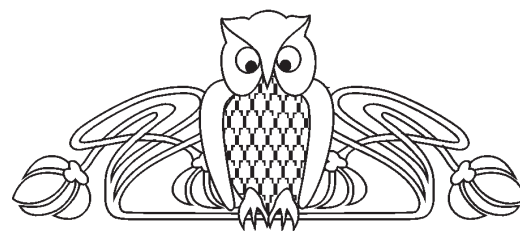
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Л. Е. Герасимова

Саратовский государственный университет
E-mail: natagerasimova@yandex.ru

В статье рассматриваются семантическое и композиционное значение художественных образов, природа художественного слова в публицистике А. И. Солженицына. Картина современного мира, создаваемая Солженицыным-публицистом, анализируется в её динамике и её константах; особое внимание обращается на приёмы диалогического переосмысления ключевых философских категорий конца XX в.: плюрализм, самовыражение, пустота.

Ключевые слова: Солженицын, публицистика, художественный образ, ритм, диалогизм, картина мира, «идеологическое поле», «сквозняки» XX в.

Literary Word in A. I. Solzhenitsyn's Opinion-based Journalism

L. Ye. Gerasimova

In the article the author regards the semantic and composition meaning of the artistic images, as well as the nature of the artistic word in A. I. Solzhenitsyn's opinion-based journalism. The picture of the modern world created by Solzhenitsyn as an opinion journalist is analyzed in its dynamics and its invariables; special attention is focused on the techniques of dialogical review of the key philosophical